

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Еще не все
потеряно

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Еще не все потеряно

«Научная книга»

2000

Серова М. С.

Еще не все потеряно / М. С. Серова — «Научная книга»,
2000 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Возвращаясь поздно ночью домой, Вера обнаруживает в подъезде изуродованный труп отца — знаменитого ювелира, а квартиру разграбленной. Компаньоны ювелира нанимают частного детектива Татьяну Иванову, чтобы найти убийцу и общие деньги, которые в этот момент были в квартире. Татьяна начинает расследование и очень быстро понимает, что ни местная мафия, ни заезжие гастролеры не причастны к этому дикому преступлению. Так кто же эти грабители, при упоминании о которых дочь покойного почему-то начинает страшно паниковать?..

© Серова М. С., 2000

© Научная книга, 2000

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова

Еще не все потеряно

Пролог

По асфальту неширокого проспекта, рассекая ночной морозный воздух и взвивая за собой вихри снежинок легкой поземки, мчалась приземистая машина. Равномерное урчание мощного мотора в теплом салоне, приятно пахнущем кожей сидений, духами и табаком, было почти не слышно – только шелест шин, не мешающий звукам медленной музыки.

Желтые огни фонарей, мелькающие за тонированными стеклами, заворачивали девушку. Плавное покачивание мягкого кресла и негромкое журчание музыки навевали дрему. Откинувшись на подголовник, она, расслабив усталое тело, закрывала и открывала глаза, с трудом приподнимая веки, борясь с волнами подступающего сна.

Мужчина, занятый управлением, время от времени поглядывал на нее с доброй улыбкой.

Был тот час, про который трудно сказать – поздно это уже или еще рано.

– Не засыпай. Мы подъезжаем, – проговорил он, снижая скорость и сворачивая на боковую улицу. – Сейчас дома будешь.

Она сладко потянулась, выгнувшись, и зевнула.

Ставшая совсем узкой улочка искрилась под неоновыми фонарями свежевыпавшим снегом. Обросшие инеем ветви деревьев нависали над дорогой, превратив ее в аллею парка из царства Снежной королевы.

Кошунством было гнать здесь машину с прежней скоростью, и она катилась неторопливо и почти беззвучно.

– Спать хочу, – пожаловалась девушка, приподняв брови в жалостной гримасе, – сил нет!

– И чего взъюжилась? – укорил он ее. – Домой, домой! Чем тебе плохо было? Спала бы себе. И я бы спал.

Она на секунду задумалась, прикусив губу, отчего ее лицо приняло упрямое выражение, качнула головой:

– Домой!

– Пожалуйста!

Машина въехала в темный проезд между домами, покачалась на обледенелой колее и вползла во двор. Остановилась возле подъездного крыльца в две ступеньки.

– Прибыли.

Он повернулся к ней, посмотрел, как на капризного ребенка, обнял, нежно притянул к себе, чмокнул в висок.

– Упрямый ты бельченок!

Она потерлась головой о его плечо, погладила по щеке мягкой ладошкой.

– Это плохо?

– Нормально. – Он поцеловал ее пальцы.

– А ты кот, – проговорила она, глядя на него снизу вверх заискрившимися улыбкой глазами, – большой и ласковый кот.

– Большой и ласковый? – спросил он, наклоняя к ней голову.

– Да. И любопытный.

Он, прижав ее к себе, зарылся лицом в волосы, с удовольствием вдыхая их аромат.

Запахнув на груди шубу, девушка взбежала на крыльцо, у самой двери обернулась, спрятав нос в шелковистый мех воротника и помахала рукой. Машина, моргнув на прощание узкими фарами, плавно тронулась с места.

Дверь с треском пропустила ее в мерзлую темноту тамбура. Ведя рукой по стене, она осторожно двинулась вперед и, нащарив вторую дверь, оказалась в подъезде. Здесь было светлее – от лампочки за углом, там, где начинались коридоры первого этажа, но ненамного теплее – дыхание по-прежнему обозначалось облачком пара, хотя и не таким густым, как на улице. Девушка уверенно двинулась вперед, но тут же споткнулась обо что-то, с шуршанием двинувшееся под ее ногой. Не отдавая себе отчета – зачем, она нагнулась и коснулась этого. Оказалась рука, холодная и твердая, будто сделанная из литой резины. Девушка выпрямилась, с замершим сердцем вглядываясь в свою ладонь, только что сжимавшую чьи-то замерзшие, безжизненные пальцы. Шагнула широко, до потери равновесия, просеменила до угла и остановилась, чувствуя, как шевелятся волосы на непокрытой голове. Медленно повернулась и двинулась назад, всматриваясь в темноту. Нашарив ногами тело, она нагнулась, щелкнула зажигалкой. Полуприкрытые веками, снизу глядели стеклянные глаза с почерневшего, превращенного в кровавое месиво, вздувшегося уродливыми буграми лица.

Успокаивая дыхание, девушка постояла и медленно пошла на ослабших ногах к лифту.

Кнопка на стене не загорелась после нажатия на нее, и девушка, шепча сквозь зубы ругательства, забарабанила кулаками в грязно-желтые створки. Почти одновременно с гулкими ударами – будто дожидались их наготове – приоткрылась дверь ближайшей квартиры, и появившаяся из-за нее голова с всклокоченными седыми космами заорала громко и хрипло:

– Что же это вы делаете, а? Хулиганье проклятое! Вы б на часы хоть посмотрели! Людям спать надо, а вы долбите, как идиоты!

Девушка глянула на старуху безумными глазами и побежала по лестнице вверх, прыгая через две ступеньки и путаясь в полах шубы.

Дверь ее квартиры отворилась легко, едва она надавила на темный матовый дерматин.

В зале и кухне горел свет. В прихожей валялась на полу одежда, выброшенная из шкафа. Зеркало прочеркнула наискось трещина, разрезав ее отражение на две неравные изломанные части.

В квартире царил страшный беспорядок. Все носило на себе следы зверского и методичного обыска. Содержимое ящиков и шкафов было извлечено и брошено, гобеленовая обивка дивана и кресел вспорота, кухонная посуда грудой громоздилась на обеденном столе, сдвинутый с места сервант с полуоторванной, висящей наперекос дверцей перегораживал проход в комнату отца. У одной из его ножек валялась, наверное оброненная впопыхах, пятидолларовая купюра.

В ванной комнате девушку почему-то особенно поразила черная, вся в паутине дыра в стене на месте вырванной вентиляционной решетки. Грязное белье было вытряхнуто в ванну, корзина валялась тут же.

Пустив воду, девушка долго терла руки, смывая с них невидимую грязь. Измазала мылом рукава шубы, недолго думая, и их подставила под водяную струю.

Осознав наконец ненормальность своих действий, она насухо вытерлась, вернулась в прихожую, набрала номер и осипшим от волнения голосом проговорила:

– Приезжайте скорее! Ограбили нашу квартиру. А внизу, в подъезде, лежит мой отец. Мертвый! – И разрыдалась в телефонную трубку.

* * *

Четверо крепких мужчин с обнаженными головами без суеты вынули гроб из автобуса, осторожно установили на приготовленные табуретки неподалеку от свежевырытой могилы.

Бил порывами колючий ветер, мела поземка, и собравшиеся переминались ногами, скрипя снегом, отогревали лица воротниками и варежками.

Провожающих было немного, несмотря на то что покойный был общительным и доброжелательным человеком и имел много друзей и знакомых.

– Зима, знаете ли, февраль! – изрек соседу мужчина, щуривший глаза за толстыми стеклами очков, придерживая обеими руками углы поднятого воротника пальто. – Здесь одному только не холодно. – И кивнул на лежащее в гробу, с головой укрытое саваном тело.

– Зачем вы так! – поморщился его сосед.

– Да бросьте! Аркадий был человеком веселым. Мы с ним росли вместе.

Начались речи. Произносимые косноязычными от мороза ораторами, они мало кого интересовали.

У гроба вплотную стояли двое – девушка в длинной дорогой шубе, прижимавшая к груди руки в тонких кожаных перчатках, и мужчина с тяжелым нетрезвым взглядом, опиравшийся крупной рукой о его обитый черным сборчатым крепом край.

Порывом ветра приподняло и откинуло уголок савана с лица покойного. Стоявшие ближе глянули и отвели глаза. Покойник был страшен.

Седенький дедок в шапчонке, сбившейся на сторону, бестолково суетившийся, чтобы пробиться в первые ряды, замер и, вытянув худую шею, обмотанную затасканным шарфиком, забормотал довольно громко:

– Прощай, брат! Прощай! Брат, прощай!

Его бесцеремонно пихнули локтем в бок, оттерли назад.

Мужчина у гроба, заметив непорядок, шагнул и поправил покров, подвернул его негнушимися пальцами под мертвую голову. Обвел взглядом стоявших вокруг и, увидев дедка, топчущего разбитыми валенками в стремлении опять протиснуться поближе, недобро прищурился, сжал побелевшие губы. Этот прищур пригнул дедка, будто груз взвалили на его сутулые плечи. Виновато опустив голову, он поглубже засунул руки в карманы грязного пальто и отошел в сторону, оглядываясь через плечо, как побитый пес. Оказавшись в стороне, он потер седую щетину на впалых щеках и, покопавшись за пазухой, достал водочный шкалик, бережно завернутый в тряпочку. Вытянув зубами полиэтиленовую пробку, перекрестился украдкой и со словами: «Ну, Володечка, пусть земля тебе будет пухом!» – как следует глотнул крепкого прямо из горлышка. Вытерев губы и глаза, он качнул головой, будто не соглашаясь с кем-то, и проговорил укоризненно:

– А землицы ком в могилу, на гроб, бросить-то надо! – И двинулся обратно, в уже зашевелившуюся толпу.

Земля принимала в себя тело, найденное в подъезде двумя ночами назад.

Глава 1

Подобно многим из ее профессиональной среды, свое имя она любила называть по любому поводу. Перенятая у западных тележурналистов манера, способствующая, по их мнению, повышению популярности.

– Алла Анохина! – услышала я впервые по телефону в самое неподходящее время – около восьми часов тусклым зимним утром, и если бы мои уши в тот момент работали как глаза, которые никак не хотели открываться, то вряд ли она достигла бы в общении даже того немногого, что ей удалось. – Алла Анохина, ведущая телепередачи «Закон и порядок» беспокоит вас.

– Зачем? – спросила я, испытывая одно желание – уткнуться носом в теплую подушку еще часа на полтора-два.

– Доброе утро, Татьяна Александровна! – напомнила она о вежливости.

– Здравствуйте.

Я наконец разлепила глаза и глянула на часы, мерцавшие зелеными цифрами.

– Вы знаете, который час?

– Рано, извините, – отвечала Алла Анохина, – но вас трудно застать дома, а номера телефона вашего офиса я найти не смогла.

Услышав про офис, которого у меня никогда не было, я почувствовала раздражение, естественное, когда прерывают сон невыспавшегося человека и несут при этом ахинею. Чтобы не проснуться окончательно, я на полуслове, в середине длинной вежливой фразы, нажимаю пальцем на рычаг. Пусть Анохина думает, что нас разъединили.

Она не позвонила больше в то утро, видимо, не поверила в технические неполадки и вежливо решила не беспокоить. Но вечером, возвращаясь домой, я услышала сзади знакомый голос:

– Татьяна Александровна!

От стоящей неподалеку машины ко мне спешила женщина, руками, засунутыми в карманы, придерживая на месте полы расстегнутой дошки собачьего меха.

– Алла Анохина! – отрекомендовалась, подойдя вплотную. – Я звонила утром, но нас разъединили.

И рассыпалась в извинениях за причиненное беспокойство.

– Вы ведущая телепередачи «Закон и порядок», – вспомнила я, бесцеремонно обрывая ее на полуслове. – Помню.

Прошедший день выдался скучно-хлопотливым: ожидание в приемных, копание в архивах, любезное общение с нелюбезными людьми, плюс головная боль от недосыпа и случайная, некачественная пища. В общем, рутина частного сыска. Утомленная всем этим, я хотела домой. Выпить крепкого кофе, выкурить сигаретку... И вот – Алла Анохина.

– Не могу пригласить вас к себе по обстоятельствам, от меня не зависящим, – решила я на ложь, желая сохранить спокойный вечер, – в машине разговаривать тоже не совсем удобно, давайте перенесем встречу на завтра.

– Отлично! – обрадовалась она. – Вас устроит первая половина дня?

– Пожалуйста, – согласилась я, выдержав паузу. – Только, будьте добры, в двух словах, тема нашего разговора?

– Передача с вашим участием. Такое, знаете, экспресс-интервью с Татьяной Ивановой, частным детективом города Тарасова.

– Я обдумаю ваше предложение и позвоню. Хорошо?

– Хорошо!

Вручив мне свою визитку, Анохина откланялась, явно рассчитывая на мое согласие. Наутро я позвонила ей и отказалась. Отказалась, здраво рассудив, что по роду деятельности

мне не нужна особая популярность ни в своем городе, ни за его пределами. Не политик я и не топ-звезда.

Но Алла была иного мнения на этот счет и в конце концов меня доняла, пользуясь проверенным способом – не мытьем, так катаньем.

Она, отбросив продемонстрированную сначала вежливость, названивала мне среди ночи, поджидала у подъезда, оставляла записки в почтовом ящике и даже расплакалась, когда я высказала ей свое возмущение. Тогда мне стало стыдно – до чего я довела человека, добросовестно пытающегося делать свое дело, и пришлось-таки согласиться.

Интервью со мной записывали три вечера. Три вечера, пожертвованных передаче «Закон и порядок». Алла испытала удовлетворение, а я – облегчение. И вот теперь она меня снова достала. В пансионате «Волжский берег», после великолепно проведенного дня с семейством моего давнего друга Владимира Кирьянова.

В пустом холле мы включили телевизор, и голос диктора торжественно объявил, что сейчас нам предстоит встреча с Аллой Анохиной и ее необычной гостьей в передаче тарасовского телевидения «Закон и порядок».

Пока шла заставка, где московский ОМОН лихо выбрасывал из машин и укладывал на асфальт согласных на все молодцов, я пыталась убедить Володю переключить программу, и это мне почти удалось, но, когда пошла запись и в студии рядом с Анохиной оказалась моя персона, пришедший в восторг Владимир отказался меня слушать.

Конечно, приятно увидеть знакомую личность на телевизионном экране. Эта черта – общечеловеческая.

Владимир ерзал в кресле, хлопал ладонями по подлокотникам и повторял, не отводя глаз от телевизора:

– Нинки нет! Ах ты, Нинки нет!

Жена его, Нина, ушла укладывать их сорванцов, за день нализавшихся по деревьям, досыта накувыркавшихся в не по городскому чистому снегу, и после того, как они чуть не уснули прямо здесь, в холле почти пустого сейчас пансионата.

– Алла Анохина, – бодро звучал голос ведущей, – представляет телезрителям человека редкой профессии. Частного детектива Татьяну Иванову, практикующую в нашем городе уже не первый год.

Так и не поправили они запись, хоть я и доказывала, что частный детектив – это не профессия, а род занятий.

– Татьяна Александровна благодаря своим способностям и высочайшему уровню профессионализма пользуется широкой известностью у населения.

Опять неточность. Известна я определенным слоям населения – так было бы правильнее. И известна им вовсе не благодаря каким-то особым способностям к оперативно-следственной работе, а умением предвидеть изменения ситуации в очередном деле и пользоваться этими изменениями. Проще говоря, успеха я добиваюсь за счет неожиданной интриги, влияющей на обстоятельства в нужную мне сторону, и развитой интуиции.

Было неудобно перед Владимиром за похвалы, расточаемые мне Анохиной. Вот он-то был настоящим профессионалом следственных дел, и заслуги в этой области имел немалые.

Передача шла по сценарию и набирала разгон. Алла очень доходчиво объяснила значение сыского дела в повышении уровня правопорядка, проявив осведомленность во всем, что касалось темы, но, на мой взгляд, злоупотребила при этом казенными речевыми оборотами. Татьяна Иванова на экране сидела в неподвижности, время от времени поглядывая на ведущую.

Наконец, когда сказано было достаточно и тема казалась уже исчерпанной, прозвучал первый вопрос:

– Татьяна, каковы, на ваш взгляд, перспективы развития частного сыска в нашей стране?

Перед записью меня не стали, как это обычно бывает, знакомить с вопросами предстоящего интервью, для того чтобы достигнуть большей естественности диалога, и я рассудила, что качество их в любом случае останется на совести редакторов передачи.

– На мой взгляд, такие же, как у любого другого вида частного бизнеса, – ответила телевизионная Иванова, заметно оторопевшая от такого начала. – Я не политик и прогнозами не занимаюсь.

Тихо подошла Нина.

– Спят. Умаялись, разбойники, – сообщила она усталым голосом. – Что это вы тут смотрите?

– Тихо, Танюху показывают!

– Ну!

Нина устроилась с ногами на диванчике рядом и тоже уставилась в телевизор.

Анохина с улыбкой поглядела на Иванову.

– Мне стоило больших трудов заполучить сегодня к нам в студию Татьяну Александровну. Ее деятельность, как она только что сказала, – особый вид частного предпринимательства, а частники, как известно, не могут относиться равнодушно к рекламе и популярности. Скажите, Татьяна, почему вы так малодоступны для средств массовой информации? Это скромность?

– Это равнодушие к популярности и отсутствие интереса к рекламе.

– Вот как? Однако именно реклама может обеспечить известность широкому кругу населения, а значит – способствовать привлечению клиентов, нуждающихся в вашей помощи. Ведь вы не будете отрицать, что клиент, выбирая специалиста, руководствуется уровнем своей информированности. Это рынок успеха.

– Клиентов выбираю я сама по проблемам, с которыми они ко мне приходят.

Володя хлопнул меня по плечу:

– Ну, ты, Танюха, даешь! – И вновь наострил уши.

– Какие из проблем ваших клиентов способны вызвать у вас наибольший интерес?

Телевизионная Иванова на секунду задумалась и уверенно ответила:

– Первоначально – никакие. Меня принципиально не интересуют чужие проблемы.

При этих словах брови ведущей приподнялись и на лице отразилось удивление. Иванова продолжила:

– Совсем другое, когда я достаточно глубоко вникла в дело. Тогда проблемы клиента становятся мне близки и побуждают к активным действиям.

– Хорошо! – Анохина пристукнула пальцами по столу. – Задаю встречный вопрос: по каким причинам вы отказываетесь заняться делом обратившегося к вам человека сразу и бесповоротно?

Татьяна ответила без промедления:

– Когда дело, в котором мне предлагают принять участие, или предполагаемые действия по его разрешению не соответствуют моим представлениям о порядочности, это – раз. Второе, когда, как мы их назвали, проблемы по делу представляются мне неразрешимыми. То есть я не могу справиться с делом средствами, имеющимися в моем распоряжении.

– А не можете ли вы привести конкретный пример такого дела?

Камера произвела «наплыв», и лицо Татьяны заполнило весь экран. Крупный план. Прием почти запрещенный, выгодный, когда хотят обратить внимание на недостатки внешности.

Зелено-желтые, редкого оттенка, глаза, прямой нос с подвижными, чувственными ноздрями, небольшой рот приятных очертаний, прическа, оставляющая открытым высокий лоб, умело сделанный макияж, правильный овал лица.

– Красавица! – Нина спустила ноги с дивана. – Танюша, обрати внимание, надо чуть больше теней на веки и в уголки глаз, взгляд будет мягче...

– Подожди, Нина, не мешай! – прервал ее Владимир.

На экране вновь появился интерьер студии, и телевизионная Татьяна начала рассказывать.

– Это нам кофе принесли, – объяснила я действия оператора.

– Брось! – возразил Владимир. – Ты телевизионщику понравилась, он и выдал твоей портрет на всю рамку.

– Весною прошлого года, – заговорила Татьяна, отхлебнув кофе из чашки темного стекла, – один из жителей нашего города, скажем так, не стесненный в средствах, закончил строительство дома, симпатичного, знаете, такого особнячка неподалеку от центра. По странной прихоти или из желания быть оригинальным дом свой пожелал видеть процентов на шестьдесят из дерева. Естественно, не из древесных пород среднерусской полосы. Так вот, дом не простоял и месяца – сгорел почти дотла. Подожгли его умело, а в том, что подожгли, – сомнений не было. Этот господин очень хотел узнать имена поджигателей. Я, ознакомившись с обстоятельствами дела, отказалась удовлетворить его любопытство.

На лице Анохиной отразилось такое удивление, что Владимир хмыкнул. Улыбнулась и Нина.

– Дело в том, – продолжила Татьяна, – что этот бизнесмен выстроил палаты свои на месте двух снесенных его же стараниями старых двухэтажных домов и небольшого детского сада, а жителей отселили волевым порядком в аварийный жилой фонд.

– И вы отказались вести расследование?

– Да, принеся несостоявшемуся клиенту глубочайшие извинения.

– И он?..

– Он был, мягко говоря, раздосадован причинами моего отказа, а они вытекали из предположения, не единственного возможного, но наиболее вероятного: пожар его дома – дело рук бывших жильцов тех двух домов или людей, водивших детишек в снесенный детсад. Словом, я отказалась определять конкретных виновников пожара и тем самым обеспечивать им дополнительные и серьезные неприятности.

– Вот, Тань! – воскликнул Владимир, поворачиваясь ко мне. – А следователю, которому пришлось копаться в этом, я его знаю, выговор вкатили за то, что не справился!

У Анохиной был довольный вид.

– Многие ли ваши расследования завершаются успехом?

– Практически все. Это вопрос престижа, и именно поэтому я популярна как специалист.

– Как в боксе, – подхватила Алла, – провел столько-то боев, в стольких-то одержал победу.

Мы с ней поулыбались интересному сравнению. Зрители, судя по тем, что были у меня перед глазами, реагировали соответственно.

– И как часто была победа нокаутом? То есть многие ли дела завершились наказанием злоумышленников?

– Все, так или иначе.

– Означает ли это суд?

– Крайне редко. Моя цель – помочь клиенту в решении его проблем, и когда это происходит, то означает ущемление интересов противостоящей стороны. В этом и состоит наказание злоумышленников. А вообще мне и в суде приходилось выступать в качестве свидетеля, по расследованным мною же делам. Ведь я частное лицо. И следствие веду частным порядком.

– То есть процедура привлечения виновного к ответственности, предусмотренной законом... – подбросила в воздух мяч Анохина.

– Не является целью в работе частного детектива, – приняла ее подачу Иванова, – и зависит только от решения клиента.

– Хорошо! В следующий раз мы организуем прямую линию, дадим в эфир пару телефонных номеров и будем принимать вопросы от горожан. Поддерживаете?

Иванова, сохраняя приятное выражение лица, неопределенно пожала плечами.

– Обращаетесь ли вы за помощью к правоохранительным органам, и если да, то как часто?

Мы с Володей переглянулись.

– Крайне редко. Обычно я использую их в качестве участников тех или иных комбинационных построений, отвечающих целям, которых я в данный момент добиваюсь.

– По каким причинам ограничивается ваше с ними взаимодействие?

– Вопрос деликатный. Их много. Наверное, главное – конечные результаты. У них на первом плане – буква закона, а законы в наше время оставляют желать лучшего. У меня – конкретная помощь клиенту в разрешении его проблем.

– Случалось ли вам в вашей деятельности совершать правонарушения?

– Моя работа не направляется приказами, уставами и должностными инструкциями. И я вполне законопослушная гражданка.

– Эй, гражданка, а как же, когда ты... – воскликнул Володя, но, перебитый следующим вопросом, недоговорил.

– Приведите пример ваших действий, не соответствующих законности.

– Нарушение правил дорожного движения. В основном превышение скорости.

Время передачи близилось к концу, вопросы и ответы следовали один за другим без пауз.

– Ваше отношение к деньгам?

– Положительное.

– Известно, что у вас высокие гонорары. Считаете ли вы себя обеспеченным человеком?

– Размеры моих гонораров зависят от уровня благосостояния клиента и от степени сложности дела. А обеспеченность... Это понятие относительное. Помните, из «Кавказской пленницы», – хорошо, когда желания совпадают с возможностями.

– У вас есть друзья?

– Есть, но их немного.

– Почему?

– Потому что их много быть не может.

– У вас есть враги?

– Как и у любого нормального человека, живущего среди людей.

– Верите ли вы в Бога?

– Это сложный вопрос и очень интимный. Скорее да, чем нет.

– Посещаете ли вы церковь?

– Очень редко. Свечку поставить.

– Ваше отношение к церкви?

– Как к любому официозу.

– Есть ли у вас друг сердца, спутник жизни?

– Я не замужем.

– Причина?

– Трудно встретить мужчину, который смирился бы с моим образом жизни, разве что это будет коллега.

– Ваше отношение к мужчинам вообще?

– Хорошее отношение, вообще. Я нормальный человек и в психическом, и в физическом плане, и ничто человеческое мне не чуждо.

Володя глянул на меня искоса. Нина, опустив голову на грудь, сладко посапывала. Передача, принявшая характер блица, заканчивалась.

– Ваша цель в жизни?

Анохина, чувствуя дефицит времени, сыпала скороговоркой. Иванова ей помогала краткостью ответов.

– Счастье, естественно.

– А что это такое?

– Ну, сколько людей, столько и мнений.

– А для вас?

– А для вас?

– Здоровье, благополучие, интересная работа, дети, семья, друзья и все такое.

– Вы ответили на свой вопрос.

– Последнее, Татьяна! – Она глянула на часы и облегченно вздохнула. – Ваше кредо?

– Порядочность.

Она молчала, ожидая пояснений.

– Живи сам и давай жить другим. Не делай другим того, чего не хочешь пожелать себе от других.

Обрадованная кратким и удовлетворительным ответом, она шлепнула ладонями по коленям и бодро воскликнула:

– В гостях у Аллы Анохиной в передаче «Закон и порядок» была Татьяна Иванова, частный детектив, действующий в нашем городе!

Знали бы зрители, сколько усилий потребовалось приложить Алле Анохиной, чтобы заполучить к себе в передачу такую гостью!

Загрохотала реклама, и Володя поспешил убавить громкость. Нина встрепенулась и, зевнув, поднялась на ноги.

– Пойду я, детективы, к своим клиентам!

Сонно покачиваясь, она направилась к выходу, оставив нас вдвоем.

Мне передача понравилась, а Володю разочаровала, и мы с ним немного поспорили на эту тему.

Он вообще спорщик, этот Володя. Когда-то был самым спорящим студентом. Став подполковником, в этом отношении изменился немного.

Сейчас его взбудоражила та часть передачи, где я разъяснила ведущей, что наказания виновного для меня вполне достаточно, если соблюдены интересы клиента. Он принялся долго и правильно доказывать, что соблюдение интересов ущемленного должны обязательно дополняться соответствующей статьей Уголовного кодекса для злоумышленника. Я стала его подзуживать. Вечер выдался под стать дню, очень неплохим, был полон приятной расслабленности, а спор требует азарта, и я нашла третье решение.

– Володенька, – сказала я, глядя на него ангельскими глазками, – положи руку на сердце и припомни случай из своей практики, когда ты не стал подводить виновного под статью. Я пойду по баночке пивка принесу нам с тобой на сон грядущий, а ты, когда вернусь, мне этот случай расскажешь.

Вернувшись с пивом и пачкой сигарет, я нашла его спокойным и затуманенным воспоминаниями. И его утомил сегодняшний день.

– Есть такой случай, – ответил он на мой вопрошающий взгляд, – ничего выдающегося, но, безусловно, подсудный. Убийство, Татьяна, не больше, не меньше.

В нашем доме два года назад зарезали мальчишку семнадцатилетнего. Держал себя приличным, местная шпана его уважала за лихость и показуху. И вот случилась такая история. Приглянулась ему девчонка из соседнего дома. С матерью жила, имела двоюродного брата – студента музучилища. И стал он за ней ухлестывать по-своему, проходу ей не давал. Где ни встретит, что-нибудь да этакое дикое сотворит, замучил совсем.

Она уж и из дома выходить без крайней нужды перестала. Матушка ее, женщина вполне порядочная, видя перемену в поведении дочери, вызнала у нее причину и поговорила с этим шалопаем на повышенных тонах, к родителям его сходила, да ее чуть не вытолкали оттуда. С сынком у них, видно, разговор все же состоялся, потому что затаил он обиду и решил мстить за некачественное к себе отношение.

Заявился к мамаше девчонкиной и предъявил ей ультиматум: плати, мол, деньги, не то сотворят с твоей дочкой нечто совсем уже непотребное, а я, дескать, в стороне останусь, ни при чем окажусь. Той бы сразу в милицию обратиться, да побоялась за дочь – отомстят ведь, не сейчас, так после. И денег не платит. Не было у них лишних денег. Этот супермен стал грубость проявлять в отношении девчонки, подавая действия свои как предупреждения.

И тут появляется на авансцене ее двоюродный брат, парень горячий, хоть и музыкант. Дождывается супермена вечером у двери его квартиры и бьет длинной и тонкой отверткой в грудь. Оставляет ее там и спокойно уходит.

Горе-рэкетира похоронили, а музыкант, убийца его, в консерваторию поступил, учится.

Вызвать все мне труда не составило, я там многих знаю. Того спросил, этого спросил, картинка и нарисовалась. И ребята из уголовки, что занимались убийством, тоже в курсе были – я по глазам видел, по тому, как прятали они их от меня, но оставили без последствий. С братцем поговорил по душам, он во всем признался, но жизнь я ему ломать не стал, а тоже оставил все как есть. Так что, Танюша, поступил я против своей ментовской совести.

– По совести ты поступил, – возразила я. – Люди сами со своими делами разобрались. А что без милиции обошлись – так это показательно для нашего времени.

– Ну да, самосуд устроили!

Он сморщился, как от кислого.

– Володя, ты же умный, ты все понимаешь, ведь вендетта бы началась, кровная месть. Подонок этот семнадцатилетний пусть не смерть, но хороший срок сразу по нескольким статьям заработал и музыканта твоего на нехорошее дело подвигнул. Этот пошел бы на этап, а дружки погибшего за девчонку бы взялись... Ты представляешь, что бы они с ней сделали? Уже три жертвы вместо одной, а если подумать о ее матери, так вот тебе и четвертая, косвенная, правда, но не менее тяжелая. Или вы защитили бы ее с дочкой, а?

– Нет! – мотает головой Владимир. – Потому я и смолчал.

– Эй, спорщики полуночные!

В холле появилась Нина в халате и тапочках на босу ногу. Ежась от прохлады, протянула мне поющую тихо трубку сотового телефона.

– Верещит уже минут пять. Я подумала, может, важное что?

– Алло!

Кирияновы смотрели на меня, развесив уши.

– Алло, Татьяна?

– Я!

– Здравствуйте! Это Вера Филиппова.

Голос крайне взволнованного человека с характерной дрожью и придыханиями.

– Здравствуйте, Вера. Что у вас случилось?

Вера Аркадьевна Филиппова – одно из действующих лиц в деле, взяться за разбирательство которого я недавно дала согласие. Случай определила как пассивно-криминальный и ничего неожиданного от него не ожидала. Видно, ошиблась.

– Татьяна! – Дрожь Вериного голоса усилилась. – От меня только что ушли бандиты.

– Успокойтесь, пожалуйста. – Я говорила нарочно медленно и негромко. – Ведь они уже ушли и вы там одна. Непосредственная опасность вас миновала. Так что успокойтесь и расскажите подробнее.

– Они были недолго, может, несколько минут. Тыкали мне в грудь пальцем и говорили, что отца убили и квартиру нашу ограбили не они и что я теперь обязана выплатить им долг отца. – Вера всхлипнула. – Сказали, что выплачивать долги покойных родителей – это дело чести. И сумму назвали. Это что-то несуразное! И сроку дали два дня!

Вера готова была разрыдаться.

– Примите что-нибудь успокоительное и постарайтесь уснуть, – посоветовала я ей. – Завтра с утра я займусь этим, и вот увидите, все окажется не таким ужасным, как представляется сейчас. Утро вечера мудренее.

– Что случилось? – Володя попытался влезть не в свое дело. – Нужна помощь?

Я глянула на часы – полночь скоро.

– Я сожалею, но завтра придется выехать отсюда пораньше, так что давайте ложиться.

Для того чтобы уснуть, мне не нужно успокоительное. Это хорошо!

Глава 2

Наутро я поднялась ни свет ни заря, раньше всех, полная сил и здорового оптимизма. И не только проведенный на природе день был тому причиной, хотя он, конечно, влияние свое оказал. Пассивно-криминальное дело, взятое мною недавно в руки, звонком Веры Филипповой поворачивалось неожиданной, будоражащей воображение стороной. С этой мыслью я вчера заснула и с нею проснулась.

Представьте себе состояние художника, изучающего шероховатости на чистом, только что натянутом на подрамник холсте и воображающего, сколь поразителен будет родившийся благодаря его стараниям шедевр. Представьте себе его состояние, и вы меня поймете, если имеете хоть маленькую толику воображения.

До того как поднялись мои друзья, я успела продышать легкие, хорошо размяться и как следует поработать над суставами и связками. К моменту, когда в дверях занимаемого Кирияновыми номера появились их мятые, заспанные физиономии, я выглядела бодрой и свежей, как дитя после прогулки.

– Танюха, да ты ложились ли? – удивился Володя моему виду, зная, как бережно я отношусь к утреннему сну.

– Нет, на шабаш ездила! – рассмеялась я.

– Мам, что такое шабаш? – спросил один из сорванцов, теребя Нину за полу халата, в то время как другой одаривал меня круглощекой улыбкой.

– Съезд нечистой силы, – пояснила она, стараясь отделаться от его рук.

– Слет! – поправил ее Володя, хлопая глазами.

– А почему нечистой? Тетя Таня вот же какая чистая, даже блесит!

– Это она перед вами вид делает, – пояснил им отец и, шутовски подняв плечи, затрусил по коридору с полотенцем на шее в сторону умывальника. Мальчишки с криками бросились вдогонку.

Выехали мы позже, чем мне хотелось бы, но все же раньше, чем планировали вчера. Мне было неудобно перед Кирияновыми за спешку, они радовались этой поездке, особенно малыши, но делать нечего – так было надо.

Мальчишки, быстро потеряв интерес к созерцанию однообразных зимних пейзажей за окнами машины, открыли на заднем сиденье боевые действия, используя в качестве границ суверенных территорий материнские колени, Владимир сидел рядом со мной и слушал новости, транслируемые по приемнику, а я управляла машиной, сосредоточившись на дороге, перегороженной кое-где небольшими снежными заносами.

Нет, я не ломала голову над звонком Веры Филипповой, я приняла его как факт, как обстоятельство, оживляющее дело. Ни к чему страдать над вопросами, ответов на которые не отыскать от нехватки информации.

Утро разгоралось, неся с собой солнце и легкий, веселый морозец.

Вдалеке от дороги, на отлогом пригорке, открылись взгляду гроздь крохотных от состояния домишек с занесенными крышами. Кое-где над ними поднимались вверх столбики дыма. Люди печи топят. Проехали укатанный до блеска проселок, ведущий в ту сторону.

Нина откуда-то достала пластиковую бутылку со свежесваренным чаем, зашуршала пакетами, и возня сзади затихла.

– Володя, место то самое?

Он глянул на деревеньку, прикинул что-то про себя.

– Да, Нинок, оно.

Повернулся ко мне:

– В этой деревне у мужа Нинкиной подруги родители живут. Как ее звать? Наталья. В начале лета повезла Наталья сына к свекрам, на козье молоко. Оставила. Не в первый раз, дело проверенное, а он там через две недели клад нашел, в лесочке. Что? У пруда? Ну пусть у пруда.

Дело было так. Ушел этот оболтус к своим местным друзьям из избы с утра пораньше, а к обеду не вернулся. Дед с бабкой суетиться начали, по соседям забежали. Что? Опять не так? Ну рассказывай сама, а я уточню потом.

Нина охотно взяла на себя инициативу:

– Девять лет мальчишке, в третий класс перешел. Наташка его в деревню забросила, а сама ремонтом занялась дома.

– Да ты к делу давай! – перебил ее Владимир. – Она сейчас сообщит, кем ее Наташа работает и сколько получает!

– Вы рассказывать-то будете? – прервала я начинающуюся перепалку.

– Денис действительно с утра ушел, сказал, что на пруд собирается, купаться, и чтоб к обеду его не ждали. Его и не ждали, а он вернулся. Молчаливый такой, таинственный! Бабка его за стол усадила, подала что у нее было, присмотрелась и ахнула! На шее у мальчишки цепь золотая в палец толщиной, с крестом! Я и тебе, говорит, бабанька, подарок принес, и деду тоже! У деда с бабкой глаза повылезали, когда увидели, чем у него карманы набиты. Оказывается, купались они с дружкой и нашли в камышах сумку. Ногами нащупали, на дне, в грязи притопленную. Еле выволокли – для веса в ней еще булыжник здоровенный был. Взяли себе из нее понемногу, что понравилось, а остальное под деревом в землю зарыли, как пираты поступали.

Дед с бабкой кинулись было к родителям Денискиного дружка, глядь, а те сами навстречу по улице чешут.

Золото вырыли, вымыли, разложили на полу, на газетке, и собрали совет. Хоть и выпили во время него для ясности, но решили все же по-деревенски здраво, что, во-первых, такое количество, да в одном месте, да еще спрятанное в воду – это, ой, неспроста. А раз так, то и не к добру. Во-вторых, что со всем этим делать? В городе в скупку отнести? Там спросят, где взяли. Ларечникам по частям продавать постепенно? Так это в городе жить надо, иначе не управишься. В-третьих, а может, грабленное золото-то, может, кровь на нем? Попадешься с продажей – на тебя же и навесят. Кто же сказочке поверит, что клад нашли! Короче говоря, сдали все это властям, к величайшему огорчению мальчишек. Деревенские потом долго гадали – откуда сумка в пруду взялась? И милиция ничего не поняла. Да, Вов?

Володя покачал головой:

– Дело о клешиховском золоте, так его называли между собой. По инстанциям поднялось оно быстро, дошло до областной прокуратуры и там осело. Уж больно значительная сумма получалась даже просто с количества металла. В сумке его было около четырех килограммов, если мне память не изменяет. Экспертиза установила примерное время пребывания этого груза в воде. Стали смотреть, что произошло странного в деревне близко к этому сроку. Выяснилось – да, было, убийство деда одного одинокого. Жил-был старик, никого не трогал, никого не обижал. В огороде копался, рыбку для кота в пруду ловил и в ус не дул. Но с некоторых пор повадился к нему из Тарасова, это за тридевять земель, заметьте, один крутой бизнесмен, делающий деньги на перепродаже маковой соломки. Ездил, ездил, да и пришиб деда. Как вырвавшийся на улицу цепной пес. За что и посадили его. На следствии объяснялся: мол, под «дурью» был, не знал, что творит.

Теперь, с находкой золота, мотив убийства прорисовался. Может, дед являлся хранителем его сбережений, да не удержался, себе взять захотел, спрятал на дне в камышах? Съездили к тому гангстеру в зону, спросили. Отказался, глаза вылупил: вы что, мол! На том все и кончилось.

«Плохо кончилось! – подумала я про себя. – Ни за что бы на этом не остановилась, будь у меня в руках это золото». Быстро прикинула – есть несколько вариантов действий, и один из

них представился мне наиболее перспективным. Его детали сами начали поступать в голову, будто книгу листала. Увлечься как следует помешал Володя:

– А у тебя на памяти есть что-нибудь подобное?

– Я сейчас тоже клад ишу. Сбережения, как ты выразился. Заначку одного покойника, хранящуюся в неизвестном для всех месте. Чем не клад?

– Романтика! – бурчит Володя. – Клад, покойник, частный сыск, звонки по вечерам, после которых надо мчаться сломя голову, как «Скорая помощь» на вызов.

– Вчера звонила дочка покойника, чью заначку надо разыскать. Рэкетеры за дочку взялись, и, похоже, всерьез.

– Вот, плюс ко всему еще и разбойники, – смеется Володя, – я ж говорю – романтика!

Помолчал, подумал, сделал вывод:

– Видно, та еще семейка. Да?

Я отвела взгляд от дороги, глянула вопросительно.

– Разбойники наши впустую не работают, – пояснил он, – вхолостую усилия не тратят. Значит, папаша и нажил, и оставил после себя достаточно, чтобы заинтересовать их.

– Значит, так, – согласилась я. – Но дочка всегда была в стороне от его дел, а умер он внезапно. Чем ей расплачиваться – ума не приложу.

– Кладом и расплатится. Возьмет из него и отдаст.

– Его еще найти надо!

– Ситуация! – трет Володя небритый подбородок. – Горячая ситуация-то!

– Да. Со вчерашнего вечера, – соглашаюсь, – а до этого все мирно было. Видишь ли, незадолго до убийства ее папаша и ограбления их квартиры...

– погоди! – Володя закрыл глаза и положил ладонь на мое плечо. – Тут целый букет, икебана, а? Убийство и ограбление недавно произошли?

– Да, на днях, можно сказать.

– Когда начинается такая полоса и события в ней идут одно за другим с высокой плотностью, то скорее всего они взаимосвязаны. Это нам с тобой известно из опыта. Подробней расскажешь?

Я еще раз посмотрела на него. Представила на его плечах синие, с красными просветами подполковничьи погоны. Я не простушка и излишней доверчивостью не страдаю. Мой род занятий и доверчивость – вещи несовместимые. Но Кирьянову верю. Знаю, что информацию, полученную от меня, он никогда не пустит в дело, не посоветовавшись со мной.

Владимир, угадав мои мысли, приложил руку к груди и шутливо склонил голову.

– Так как?

– Так вот. Некому Филиппову Аркадию, ювелиру, работающему на дому «втемную», не так давно нанесли визит достаточно уважаемые граждане и напомнили о безопасности существования.

– Ну да, как положено, – понял Володя.

– Аркадий, человек вполне здравомыслящий, конечно, согласился, что существовать безопасно – это хорошо, и они пришли к соглашению о размерах суммы, требующейся для этого, и сроке ее передачи этим гражданам. И все закончилось благополучно, на этот раз по крайней мере, но последовали убийство Аркадия и ограбление накануне истекающего срока. Грабят его квартиру, где уже могли быть деньги, приготовленные для разбойников, а самого, пьяного, это по экспертизе, жестоко бьют и оставляют в подъезде. Через несколько часов он погибает от общего переохлаждения.

Дочь покойного, Вера, ночь эту провела вне дома. Вернувшись под утро, все и обнаружила и вызвала милицию.

– Ой! Девчонке-то каково! – подала голос Нина.

– Таково! – оборвал ее Владимир, не любивший вмешательства жены в подобные разговоры, и подмигнул ей через плечо, чтобы не обиделась.

– О рэжете со слов Веры известно?

– Н-не только, – ответила я.

– Три варианта! – Владимир устремил вдаль загоревшиеся глаза. – Первое: конфликт с рэкетирами. Аркадий Филиппов по каким-то причинам отказался платить или попытался изменить условия. Причитающееся им «граждане» взяли сами, поучив при этом хозяина покладистости. Убивать не планировали, замерз тот сам по себе.

Второе: поработали посторонние ухари, «левые», так сказать. Тут обязана быть наводка. Причем наводчик может быть из числа рэкетиров, затеявший собственную игру. «Граждане» должны быть оскорблены до глубины своих душ. Им перешли дорожку, забрали ихнее.

И третье. – Владимир задумчиво посмотрел на меня. – Дочка. Как ни в стороне она была от дел папаша, а знать обо всем могла. Вот и решила повернуть дело в свою пользу. Нашла лихих друзей и все организовала в самый денежный, подходящий для этого момент.

– Ну, ты вообще!.. – воскликнула Нина, но Владимир проигнорировал ее возмущение.

– Еще действующие лица есть?

– Да.

Я была согласна с ним по всем трем версиям, хотя вариант с Верой, уже немного зная ее, считала маловероятным.

– Есть еще компаньоны Аркадия, занимавшиеся сбытом его продукции.

– Ага! Значит, ювелир не сам занимался реализацией плодов труда своего, а сдавал изделия доверенным лицам.

Посмотрел на меня святыми глазами.

– А пробы на колечках он чеканил?

– Несомненно. Потому что продавалось все через торговую сеть.

– Статья сто восемьдесят первая Уголовного кодекса – до пяти лет. Жаль, наши на них не вышли. Был бы сейчас жив ювелир. Сидел. И компаньоны его с ним. До них-то разбойники еще не добрались?

– Не успели.

– Повезло! Вот беда!

– У Аркадия был человек, поставлявший ему металл для работы. Был связан только с ним. Компаньоны знали о рэжете, но занимали нейтральную позицию. Аркадий незадолго до случившегося сообщил им, что приезжает поставщик, везет заказанное добро. Те деньги собрали – свою долю, так у них заведено было. И вот – денег нет, Аркадия нет и поставщика тоже нет.

Владимир задумался, достал сигарету, оглянулся на жену и затолкал сигарету обратно в пачку.

– Едва ли. Может быть, конечно, что кто-то из компаньонов, сколько их, кстати? Двое?

– Трое.

– Если это кто-то из них организовал, то ведь должны быть у него причины, чтобы разрушить стабильно доходное дело ради разовой, пусть достаточно крупной суммы. Понаблюдать бы за ними, поинтересоваться. Может, кто новое что затеет, для чего капитал потребуется? Ниточка будет, хоть и тонкая, но попробовать потянуть можно. Все то же, что с компаньонами.

Варианты с ними со счетов сбрасывать нельзя, но они мне надежд не внушают. Вот так, Танюха! А что там насчет заначки? Или проехали?

В зеркальце заднего вида я наблюдала, как Нина клюет носом. Мальчишки, уместив бело-брысье головенки у нее на коленях, каждый со своей стороны, спали. Утомонились, вояки.

– Заначка, Аркадий называл ее кассой, единственное, что до вчерашнего вечера меня и касалось, и интересовало больше всего. Видишь ли, у ювелира были свои запасы металла,

купленного им или сэкономленного каким-то образом. Были и наличные, которые он и в банк не нес, и в дело до поры не вкладывал. Все это и было его кассой. Хранил он ее на стороне, в каком-то надежном месте. А может, и не в одном, а в нескольких – частями. Никто ничего не знает. Ни Вера, ни компаньоны. Они-то, раздосадованные потерей денег, собранных для расчета с поставщиком, и заказали мне розыски кассы, надеясь из нее как-то компенсировать убытки.

– Так. Отсюда начинается история о поисках клада покойного ювелира.

Владимир произнес это шутливо-высокопарно.

– И Вере сейчас находка кассы не помешала бы, а?

Володя тоже заметил, что его семейство в полном составе отошло ко сну, и говорить пытался потише.

– Заметь, как наши разбойники справедливость понимают: «Долги отцов должны быть уплачены детьми!» И никаких сомнений!

* * *

На въезде в город, у поста ГАИ, после нескольких безуспешных попыток протолкнуться вперед пришлось пристроиться в хвост длинной веренице машин. Я предположила, что это какое-нибудь очередное милицейско-дорожное мероприятие по выявлению, обеспечению, повышению и тому подобному. Кириянов отправился разбираться и в раздражении хлопнул дверцей чуть сильнее, чем следовало бы, разбудив всех своих разом. Сзади начались капризы и претензии, а я, в очередной раз примерив на себя роль матери, пришла в легкое уныние, найдя, что эта роль мне не совсем подходит.

Владимира не было довольно долго, а когда он наконец появился, вид имел довольный, даже важный. Положась на него, я вывела машину на левую сторону дороги и, уступая встречным экипажам, благополучно миновала это проклятое многими водителями место.

Включившись в городскую дорожную сутолоку, я везла Кирияновых к их дому. Довезла и остановилась. Нина с детьми вышла, а Владимир, вырвав листок из записной книжки, записал на нем шесть цифр, имя и протянул его мне.

– Товарищество с ограниченной ответственностью «Изюм». Председатель – Жуков Валерий, это его телефон. Если ты правильно назвала район, где жил Филиппов, то Жуков, если захочет, сможет принять решение по рэкету его дочери. Представляясь там, упомяни мою фамилию, она Жукову хорошо известна.

Я поцеловала Володю за эту услугу. Благо Нины поблизости уже не было.

Глава 3

Я заехала домой, переделалась и привела себя в порядок. Затем, вместо того чтобы подготовиться, хотя бы в общем, к встрече с неведомым мне пока председателем ТОО «Изюм», я, под сигарету, погрузилась в размышления о везении и случайностях. Логическим завершением этих умствований стали гадальные кости – средство, к которому я прибегаю в ответственных моментах своего существования, когда требуется принимать решения, влияющие на мои действия в ближайшее время.

Я не утверждаю, что открыла в гадальных костях универсального оракула, дающего надежные рекомендации для любых жизненных ситуаций, напротив, человеку, лишенному способности активно пользоваться собственным умом, когда это необходимо, я не советовала бы заниматься гаданием вообще, в любой его форме. Но в условиях, когда принятие решения связано с осознанием его ответственности, даже самый деятельный ум приходит в состояние легкого ступора, и начинаются колебания. Порождаемая ими нерешительность мешает жить. Гадание в этом случае помогает выбрать вариант поведения, наиболее подходящий к случаю.

Из замшевого мешочка выкатились на ладонь три костяных двенадцатигранника с числами на каждой плоскости.

Количество возможных числовых сочетаний при гадании на костях очень велико, но я помню значения большинства из них. Практика.

8 + 18 + 25 – «Помогая блуждающим в лабиринте неудач, вы закладываете основы своих будущих успехов».

Вот так емко! Здесь и совет, и оценка, и возможное вознаграждение. Все сразу.

И разве можно утверждать, что это не относится к случившемуся с Верой Филипповой? Если и были у меня сомнения относительно помощи ей, в конце концов, за это мне никто не заплатит, у меня задача иная, то сейчас от них не осталось следа. В первом приближении вознаграждением мне будет ее благодарное расположение, а это, имея в виду возможность того, что касса покойного Аркадия находится в ее руках, не так уж мало.

* * *

Правление ТОО «Изюм» находилось в цокольном этаже хрущевской пятиэтажки, рядом с громадой районного универсама, в конце проходящей через центр города улицы. Неподалеку от входа в эту контору, обозначенного навесом, подпираемым столбиками и скромной, едва различимой с проезжей части улицы табличкой, у торца дома расположился небольшой полудиккий базарчик – смесь коммерческо-ларечного великолепия с молочным, пирожковым и семечково-сигаретным бизнесом местных жителей. Место людное, но не деловое. Одно из двух: или фирма, расположившаяся здесь офисом, едва сводит концы с концами, или деятельность ее не зависит от вопросов престижа. Впрочем, мне это безразлично.

Машина, припаркованная на широкой кочковатой обочине, никому не мешала, и я уже готова была ее покинуть, когда с другой стороны несильно стукнули в дверцу и кто-то попросил приглушенным голосом:

– Таньк, пусть погреться!

В окошко заглядывала заросшая по самые глаза седой щетиной физиономия с надвинутой на лоб шапкой, состоянием своим напоминавшая о содержимом мусорных баков. Я выбралась из машины, выпрямилась, через ее верх разглядывая подошедшего, готовая послать его куда подальше.

– Я серьезно, Тань! Замерз что-то сегодня, а деться некуда. Я не испачкаю, не думай, на мне все чистое.

Я узнала его. Венчик. Вениамин Аякс. «Веселый бомжуха» – так он себя называет. Да что-то невесел он сегодня.

– Садись, Венчик!

Он, пытаясь от нетерпения, ввалился в салон, поспешно захлопнул дверь. Взялся за шапку, снимая, провел ею по лицу.

– У-ух, хорошо! Тут хоть ветра нет!

Я завела двигатель, включила печку – теплый воздух пошел на его обутые в рваные постолы ноги. Он, скособочась, смотрел на меня слезящимися умными глазами.

– Здравствуй, Таня! Какая ты сейчас красавица! Как у тебя здесь хорошо, тепло и пахнет приятно!

Знаю его давно. Иногда, когда не спешу и он не в балагурном настроении, удаются нам интересные беседы. Человек он необычный, со своей бомжовой философией. Кроме того, обитая в слоях мне недоступных, бескорыстно, бывает, делится со мной слухами и новостями оттуда.

– Аякс, ты что, сменил район обитания? Это место в твою территорию не входило.

– Я свободный человек. Где хочу, там и гуляю.

Он покрутил замерзшими пальцами у решетки на панели, откуда дуло теплом, сильно потер ладонь о ладонь.

– Что-то не ту погоду ты выбрал для прогулки.

Одет и впрямь он был чище обычного, но и легче поэтому. Последний раз я видела его в бараньем кожаном, зашитом под мышкой тонкой веревочкой, в этой же шапке и обрезанных валенках. Причем весь в целом он производил впечатление собранного в ком коврика, о который тщательно вытерли ноги только что выбравшиеся из болота люди. Тогда он был грязен, весел и болтлив. Сейчас он относительно чист и серьезен до немногословности.

– Я здесь спичками торгую. – Он достал из-за пазухи бумажную упаковку. – Вот и оделся, чтобы люди не шарахались. Да не по погоде, видать. А тебя каким ветром?

Он улыбнулся, и в его глазах на секунду загорелись обыкновенные для него лукавые искорки.

– Красавица ты моя! – преодолел свою мерзлую унылость и опять посерьезнел, почти замкнулся.

– Мне вот сюда, – кивнула я на вход в контору Жукова.

Аякс облизнулся по-звериному и, отвернувшись, невнятно проговорил:

– Танюх, не ходи туда, не надо, как друг советую. Не шучу нисколько. Верить, нет?

– В чем дело, Вениамин?

– Не мое это дело, как я скажу? Меня попросили – я делаю. Вот, спичками торгую.

И все мусолил в руках бумажную десятикоробочную упаковку. Советом он меня заинтересовал, а увертками начинал злить.

– Конь ты пропитой. – Я, против воли, почти пела, столько елея вдруг оказалось в голосе. – Ты помнишь случай, чтобы я использовала сказанное тобою тебе во вред?

Он, поняв, куда сейчас ветер дует, смотрел на меня с опаской.

– Тоже мне, друг!

Венчик затолкал спички за пазуху и, покопавшись, выудил оттуда картонный угольник, сложенный пополам.

– Смотри!

Бомж и фотоаппарат – сочетание невозможное, но в способностях этой публике, как и населению мест не столь отдаленных, не откажешь.

С белой картоночки на меня смотрел с легким прищуром асимметричных глаз человек, основными чертами характера которого могли быть цинизм и упрямство, упорство или же недоверчивость и целеустремленность. И он был умный, тот, кого нарисовали на этой карточке.

Рисунок был любительский, угловатый, но на удивление живой.

– Кто это?

– Начальник тамошний. – Вениамин указал на изюмский вход. – Сидор Лютый!

– Говори, Венчик, выкладывай! – подхлестнула я его, замолчавшего было, продолжая рассматривать рисунок.

– Бабенке одной нашей повезло вернуться из юго-восточного борделя. Полтора года там откорячила и сумела вернуться. Ну как в сказке! А переправил ее туда в свое время этот вот изюмщик. Слышно, и сейчас этим занимается. Вербует баб и сдает какой-то фирме. А те их – туда. Читала, поди, в газетах: «Требуются девушки для престижной работы за рубежом!»

Аякс, забывшись, сделал ныряющее движение, но вовремя удержался от плевка.

– Так вот, есть люди, которые решили крупно нагадить ему на нос. Только, Танька, никому! Поняла?

Аякс, вытаращив глаза, свел потрескавшиеся губы в куриную гузку.

– Отстань! – сказала я, возвращая портрет.

Вот, дожили! Бомжи против мафии воевать начинают. Или не бомжи? Разбираться в этом сейчас не время. Тем более что Аякса всегда найти можно. Найти и вытянуть подробности, если уж неумогу от любопытства станет.

– А для начала меня попросили узнать, как он здесь приходит-уходит. Вот и дежурю. А ты зачем туда лезешь?

– Хочу, чтобы он помог одной девахе справиться с накатившими на нее трудностями, – отвечаю ему в тон.

Аякс с сомнением покачал головой. Надел шапку, взялся за ручку дверцы:

– Ну, ладно, ты меня не видела, я тебя не заметил, чава!

Уже выбравшись наружу, обернулся, заглянул ко мне:

– Я все там же кантуюсь. Найдешь, если нужно будет, – и аккуратно прихлопнул дверцу.

* * *

Приемная председателя ТОО «Изюм» была обставлена мебелью середины восьмидесятых – сплошная полировка и никакого евродизайна, модного в наше время. В углу, между окном, непрозрачным от морозных узоров, и дверью в кабинет босса, сидел в кресле молодой человек с цепким и быстрым взглядом. Миловидная секретарша примерно одного со мной возраста сосредоточенно щелкала клавишами компьютера.

Жуков отсутствовал, и мне было предложено место на выдавшем виды диванчике.

– Вы по какому делу? – прошептала секретарша, не прерывая своего занятия.

– По личному, – буркнула я не совсем любезно.

Она пожала плечиком и не заинтересовалась. Мало ли по каким делам приходят посетительницы в эту организацию.

– Чаю хотите?

Вопрос типа «наше дело – предложить, ваше – отказаться».

Охранник не отводил от меня изучающих глаз. Это мне надоело, и я ответила ему тем же. Он долго не выдержал – отвернулся, сжав побелевшие губы. Я расстегнула куртку и, откинувшись на покатую спинку, терпеливо приготовилась к ожиданию. Как оказалось – напрасно, потому что вскоре бухнула входная дверь, в коридоре раздались шаги, невнятный разговор и на пороге появился пожилой и грузный аристократ с лицом, изображенным на Аяксовой картоночке, в сопровождении самого, как я поняла, Жукова.

Я поднялась с места, и наша встреча состоялась посередине приемной. Они разглядывали мою визитку, я – их персоны, и несколько секунд было тихо настолько, что слышалось лишь сопение охранника за моей спиной.

– Это что же, Валерий, тобой милиция интересуется? – с иронией спросил аристократ голосом, подходящим для диктора телевидения прошлых времен.

– Не понимаю, – медленно проговорил Жуков, готовый и в улыбке расплыться, и ожечь холодным взглядом.

Все они понимают. Особенно пожилой. Еще немного, и начнут издеваться. Жлобы!

– И не милиция, и не интересуется, – отвечаю так же медленно и с тем же выражением. – Дело частное, финансовое.

– А милиция? – осторожно спрашивает пожилой.

– А милиция по таким делам визитами не занимается.

– Пошли в кабинет, – предлагает Жуков вроде бы мне, но соглашается его спутник:

– Пошли, Валерий.

Огромный сейф пепельно-белого цвета, установленный на специальных балках, проложенных поперек просторной комнаты. Вдоль задней стены – длинный, узкий стол с телефоном, возле него – несколько стоящих кое-как стульев – и все. Странные вкусы у председателя! В сейфе вполне можно человека держать неопределенное время.

– Присядем, господа! – Валерий по-хозяйски пригласил всех к стульям.

– Да, конечно, – в момент став старчески немощным, пропыхтел аристократ и, ссутулившись, зашаркал через комнату.

«Актеры, черт бы вас побрал!»

Я почувствовала подступающую злость; необходимость удерживать себя в руках добавляла самоуверенности.

Они сели рядом, напротив меня. Двое против одной.

– Частный детектив Татьяна Иванова, – проговорил Жуков, двигая по столу мою визитку, – Александровна.

– Нет, Валерочка. – Улыбка старика стала кривой и хищной. – Татьяной пусть она будет для фраеров, а у нас здесь сидит, – он глянул на Жукова прищуренными глазами, – Ведьма! Знаешь ты такую?

– Наслышан! – ответил Жуков, и они оба недобро уставились на меня.

Я откинулась на спинку стула, сложила руки на коленях и, приподняв слегка подбородок, ответила с издевкой:

– Это радует!

– Вот как! – отреагировал Жуков.

– А у вас, надо полагать, визитки нет? – обратилась я к пожилому.

– Верно! – согласился он. – Зачем мне она?

Мне очень хотелось быть наглой, но давить на них было нечем – не юговосточными же борделями и не имеющимся в моем распоряжении единичным случаем рэкета Филипповых. Вот здесь они надо мной посмеются, затей я это. Уйти-то я после отсюда уйду, но не солоно хлебавши, а это недопустимо.

– Учись, корешок, учтивости у нашей гостыи. – Пожилой назидательно обратился к Жукову. – На «вы» обращается, не хамит, не страшает. Нет, не мент она, хоть и разит от нее «конторой».

– Мы слушаем вас. – Жуков предлагал перейти к делу. – Что за забота такая, по которой милиция визита не нанесла бы? Да еще и финансовая? Вы собираетесь предложить нам новый источник доходов?

– Я полагаю, вам и имеющихся достаточно для безбедного существования.

– Не ошибаетесь? Мы не богатые. – Жуков развел руками. – Фирма занимается куплей, оборудованием и продажей помещений под склады и офисы. На этом много не заработаешь.

– И еще продажей безопасности отдельным гражданам, – дополнила я, – а это, при надлежащей постановке дела, обеспечивает солидный доход.

Мои собеседники молчали. Не знаю, о чем они думали с такими серьезными лицами. Наверняка могу сказать одно – скучно им не было.

– У нее богатое воображение, – оставив приклатненное ерничество, сообщил результаты наблюдений пожилой.

– Или кош-шмарный источник информации! – дополнил его Жуков.

– Люди вообще многогрешны по природе своей...

– Но в этом мы не повинны!

Слаженный у них дуэт.

Жаль, очень жаль, но имя Кирьянова я использовать не могу по двум причинам: после высказанной ими неприязни по отношению к милиции это было бы неразумно, и потом, Володя, разрешая назвать его, упоминал одного Жукова, а кто этот с ним, неясно.

Поняли они меня, однако, с полуслова.

– Валерочка, какой-то разговор у нас происходит странный, ты не находишь?

Аристократ поднялся, задвигался от стены к стене, заложив руки в карманы расстегнутого пальто. От его сутулости и шарканья не осталось и следа.

– Живем мы с тобой сегодня с утра совершенно спокойно, даже правила дорожного движения по пути сюда ни разу не нарушили. И вот в родном тебе офисе встречает нас частный детектив Татьяна Иванова...

– Ведьма! – кивает Жуков.

– ...и ни с того, ни с сего приписывает тебе, Жукову Валерию...

– Скарабею! – кивает Жуков.

– ...и мне, Ивану Ивановичу, – они, улыбаясь, смотрят друг на друга, – Петру Петровичу, – сообщает мне, приподняв брови, – Сидору Сидоровичу, статью дохода, в которой мы с тобой ни ухом, ни рылом...

– Рэкет! – кивает Жуков.

«Сидор Лютый!» – вспоминаю я Аякса.

– И при этом остается совершенно неясным, что ей от нас нужно. Как ты это расцениваешь?

– Приятно беседовать с хорошенькой женщиной.

У Жукова в глазах прыгают веселые искорки.

– Но давайте все-таки перейдем к вопросам, просьбам и пожеланиям.

– Да вы же мне не дадите рта раскрыть! – Я рассмеялась, на него глядя. – Особенно Иван Петрович Сидоров старается.

– Ну, наконец-то! – Сидор дружески похлопал меня по плечу. – Так-то лучше! А то мне все кажется, что у детектива нож за пазухой.

Ладно, будем считать, что они меня одолели и тон беседе задали сами, хоть и не доверяю я дружелюбности этого сорта предпринимателей.

– Ножа за пазухой у меня нет, – я оттянула куртку на груди, – и мне чрезвычайно необходима ваша благожелательность, потому что пришла я с пустыми руками и с просьбой, с которой обычно к предпринимателям не обращаются.

– Она нас интригует, Петр Петрович! – продолжает валять дурака Жуков.

– Да как умело! – соглашается с ним Сидор и обращает ко мне ясный взор свой: – Мы благожелательны, вы же видите. К вам. Излагайте, не сомневайтесь.

– Вера Филиппова, – начинаю я со вздохом, – дочь недавно преставившегося Аркадия Филиппова, – слежу за ними внимательно, но ничего, кроме заинтересованности, в их лицах

не нахожу, – пережила посещение продавцов безопасности прошлым вечером, которые вместо ее отца, не заинтересованного больше, по понятным причинам, в их товаре, решили сбыть его ей, за ту же сумму.

– Так-так-так! – протараторил Иван Иванович. – Приготовили папе, папа выехал, дочке вваривают. Ну, дочке – проще. И что же она? Отказывается?

– Как можно! – протянул Жуков. – От безопасности-то?

– Дело в том, – продолжаю излагать, – что Аркадия, отца ее, спровадили в мир иной, а не сам он выехал, а деньги, приготовленные в уплату за товар, забрали, взломав квартиру.

Конечно, дочь – иное лицо, безопасность и ей нелишней будет. Но сумма! Ведь у нее и доходы иные.

– Какие? – интересуется Сидор, склоняя голову набок.

– Обычные. На чай с колбасой, не более. Счет в банке, благодаря стараниям папаши. Живет на проценты. Бизнеса – никакого. Счет неприкосновенен по условиям вклада. Как же ей быть?

– М-да! – Сидор Сидорович потер подбородок. – По этой картине выходит – она и так в безопасности. – И, обращаясь к Жукову: – В чем тут, Валера, дело, ты в курсе?

– Да, – отвечает тот с неохотой. Так обычно возвращаются к неприятной теме. – Это ювелир.

– Вот оно что!

Жуков привалился боком к столу и подпер ладонью подбородок.

– Мы в ба-альшой претензии к авторам этого беспредела. Татьяна, видишь ли, люди сварили кашу, а сожрали ее отморозки, подошедшие слева.

Жуков усмехнулся, и его рука, лежащая на колене, сжалась в кулак.

– Найди их, Татьяна, и назови нам. Сами мы пытались, не можем! Сделаешь это – решится вопрос с наездом на Филиппову. Я прав? – обратился он к Сидору.

– Да! – ответил тот после глубокого вздоха. – Пожалуй! Хотя ты, – глянул на меня, – передергиваешь. У чада такого папаши деньги должны быть – от отца остаться. Ювелиры – они народ мудрый. Такие, как этот, конечно. И деньги ни в банках, ни дома не держат. Иначе обдерут их, шкуру снимут, сама понимаешь. Или государство, или отморозки. Люди же попросили его самой малостью поделиться. И не задаром! Поэтому не такая уж овца стриженная Вера эта, и безопасность ей надобна. Если ты не найдешь для нас отморозков, пусть платит, я так решаю! И это правильно! И пожалуйста, не пытайся представить дело так, будто у сироты последнее отбирают!

В корень зрят эти господа, и интуиция у них не хуже моей, правда, направленная в одну сторону. В принципе я с ними согласна. Эти-то деньги мне и надо искать сейчас со всей энергией, а я вынуждена с бандитами переговоры вести о безопасности людей, которые эти деньги прячут.

– Обещать я вам, господа, ничего не буду, – говорю им очень серьезно, – и специально розысками грабителей заниматься мне сейчас не с руки – в этом направлении уголовный розыск трудится. Сами понимаете, частнику, вроде меня, явно конкурировать с ними означает ставить под угрозу свою лицензию. Но если вдруг, суется по-своему, я нападу на след этих ухарей, не сомневайтесь, извещу вас тотчас.

– Вот и отлично! – Жуков хлопнул в ладоши. – Как? – обратился к аристократу.

– Принято! – одобрил он.

– Но я прошу у вас аванс.

Они недоуменно воззрились на меня.

– Какой?

– Хотя бы отодвиньте срок расчета с Филипповой.

– Людям надо помогать. Как ты, Валера, думаешь?

– Попробуем, – согласился Жуков, и я уже поздравила себя с успехом в почти безнадежном деле, но то, чем он закончил, лишило меня повода к самодовольству.

– Любой аванс должен быть отработан, иначе дающий его останется в убытке. Если Татьяне не удастся раздобыть интересующие нас сведения, пусть она возьмет на себя ответственность за уплату Филипповой обговоренной суммы.

– То есть поручится за это, свое слово даст, – уточняет для меня Сидор Сидорович. – Это справедливо.

Такого оборота я не ожидала. Попалась в сети, как синичка-пуночка. Цену подобным поручительствам знаю, и отступать некуда. Поздно отступать-то!

– Хорошо, – согласилась решительно, не сомневаясь – хорошо ли на самом деле, – быть по сему!

– Быть, так быть! Теперь, Татьяна, слушай внимательно.

Жуков подался вперед, налег грудью на скрипнувший стол.

– Мы не кривили душой, когда утверждали, что наша фирма этими делами не занимается. Но на людей, работающих помимо прочего и по этому профилю, мы влияние имеем.

В одном из гаражных кооперативов организована мастерская автосервиса. Заведует ею молодой, но очень способный и по способностям уважаемый человек. Паша. Если его Явой назовешь, отзовется тоже. Имей в виду, парень он умный, но вспыльчивый и со своими причудами.

* * *

Когда я наконец вышла из офиса ТОО «Изюм», солнышко уже перевалило через высшую точку своей зимней траектории на голубом небосводе.

Людей на базарчике заметно поубавилось, и теперь он производил впечатление организма по-прежнему сложного, но существующего в большей степени для себя самого. Лоточники грелись чайком из термосов и ходили друг к другу в гости, угощались сигаретами.

Аякса поблизости не было видно.

На капоте моей машины, по тонкому слою припорошившего его снежка, чьим-то пальцем было криво выведено короткое матерное слово. Пришлось сметать его щеткой.

Я запустила мотор и покинула это место.

На ходу набрала номер телефона Веры. Она подняла трубку сразу, будто дежурила у телефона.

– Татьяна! – только и произнесла.

Опять пришлось ее успокаивать. Обнадеживать особо я ее не стала. Подробно объяснила, куда и к какому времени ей следует подойти, чтобы мы смогли встретиться.

– Разговор может оказаться не простым, а я пока не знаю, буду ли располагать достаточным для него временем после встречи с компаньонами твоего отца. Может быть, разговаривать придется в машине, на ходу.

– Лучше бы, конечно, у нас дома, – робко предложила она.

– Лучше. Если не будет ничего срочного, то мы так и поступим.

Я не стала с ней прощаться и посоветовала не опаздывать, напомнив, что встреча наша нужна ей больше, чем мне.

...На стыке двух безымянных улочек, криво и горбато спускавшихся вниз, к самой Волге, я наконец отыскала въезд в ряды нужного мне гаражного кооператива, затратив на это уйму времени и нервов.

Два двухэтажных дома с черепичными крышами и потрескавшимися, облезлыми стенами, подслеповатыми окнами смотрели на белый свет со старческим равнодушием. Сбоку одного из них, под прилепленной к углу огромной красно-белой сигаретной пачкой, дверь

дощатой, свежавыкрашенной пристрочки открывала ход вниз, в подвалы, в подземелье. Рядом с ней – намалеванная по трафарету призывная надпись: «БАР!» – для привлечения жаждущего контингента, в котором, судя по утоптанности снега в том направлении, заведение недостатка не испытывало.

Вторая и последняя достопримечательность места – пивной ларек, расположившийся вплотную к кооперативным воротам. Прислонясь к нему плечом и прижав к замызанной телогрейке кружку со вспененным пойлом, равнодушно рассматривал мою машину работяга с отечным лицом.

– Болезный, где здесь машины ремонтируют? – спросила я у него, приспустив стекло.

Выдержав паузу, сообразную его мерке собственного достоинства, болезный объяснил:

– Там! – Ткнул большим пальцем в сторону ворот и сдул в мою сторону пену с кружки.

Я направила машину «туда» и, миновав ворота, оказалась на кооперативно-гаражной улице со множеством темно-красных однообразных ворот.

Безлюдье в прямом смысле этого слова.

Черным по белому – стрелки с надписью «ремонт» были хорошо заметны на стенах. Следуя им, я раза два свернула и, отвлеченная мыслью о глубинах этого лабиринта, едва успела остановиться, когда мне наперерез из какой-то щели вылетела белая «семерка». Ее водитель, испугавшийся не менее моего, ударил по тормозам. Под их визг машина пошла юзом, глубоко вильнула и, подняв облако снега, едва вписалась в противоположный створ гаражного перекрестка.

Я разжала пальцы, отпустила руль, перевела дух.

«Чтоб тебя!..» – пробормотала я, глядя на невысокого, белобрысого, по-летнему одетого паренька, спешащего ко мне явно не для того, чтобы сказать пару комплиментов в мой адрес. Машину он оставил с открытой дверцей. Ветер трепал его волосы, надувал пузырем рубаху. Я вылезла ему навстречу, готовая ко всему, кроме извинений. Он подошел почти вплотную, встал, засунув в карманы замерзшие руки.

– На ремонт? – спросил, вцепившись в меня голубыми наглыми глазами.

– В мастерскую.

– Поезжай за мной.

«Семерка», завывая, задним ходом попятилась в ту же щель, откуда появилась, и я двинулась следом, наблюдая, как она на полном газу рыскает из стороны в сторону.

«Лихачество на небольшой высоте даст возможность друзьям и близким отнести цветы на вашу могилу» – фраза из пособия для пилотов начала века. Ее надо писать на ладонях таких вот любителей рысистой езды.

– ...Будешь загонять? – спросили меня о машине.

– Нужды пока нет, – ответила я.

После снежного блеска глаза не сразу привыкли к освещению мастерской, а когда это произошло, оказалось, что она освещена неплохо – люминесцентными светильниками на стенах и потолке.

– Ну и хорошо. Работяги все уже ушли.

Говоривший со мной был недомерком – по плечо мне, не более. Толстый свитер из серой ангорки мешком отвисал с его впалой груди, а рот был полон стальных, блестящих зубов.

Три или четыре стандартных гаража, объединенные в общее помещение сносом перегородок. Серомозаичный пол, стены, выложенные белым и черным кафелем. Смотровая яма, два станка, автоподъемник и рабочие столы вдоль стен. В торце крутая и узкая металлическая лестница ведет вверх, на крышу или неведомо куда. В мастерской не холодно и чисто, как в больнице.

– Похоже, о ней Валерка звонил?

Этот имел остриженную наголо, с выпирающим вперед лбом голову. Кожаная безрукавка, надетая на голое тело, подчеркивала объемы накачанных до безобразия мышц.

«Паша Ява?» – подумала я, но, взглянув на его дебиловатое лицо с крошечным вздернутым носом и пустыми глазами, усомнилась.

«Бык!» – определила я и не ошиблась на сей раз.

– Да, Лобан, о ней!

Мой лихач в углу, у раковины, держал руки под струей теплой воды. Отогревал?

Подошел Фиксатый, подал вперед и вверх треугольную голову и пристально, как-то даже пронзительно глянул мне в глаза и тут же отвернулся.

– Ве-едьма! – протянул он с издевкой.

– Иванова! – поправила я его, почувствовав подступающее раздражение. – Татьяна!

Не этому недомерку вот так, запросто, называть мою кличку.

Сбоку всхрапнул коротким смешком Лобан.

– В сауне у Геннадьича вчера новую шлюшку пробовали. Тоже Татьяна.

В поведении этих людей возможны самые неожиданные выверты, и звонок Жукова, при всей высказанной им благожелательности, мог иметь характер, противоположный нужному. Тогда показушная злоба Фиксатого и издевка Лобана не просто проверка на прочность, традиционная в мелкоуголовной среде, а нечто большее. В самом деле, хорошенькая женщина, в уединенном месте, без свидетелей.

Я медленно расстегнула куртку, стеснявшую движения рук. Хорошо бы еще от сапожек избавиться, чтобы при необходимости пустить в ход ноги, без опасения покалечить противника.

Противник здесь – Лобан, если Фиксатый не специалист по использованию в сшибке жестких, острых или гибких предметов, способных компенсировать его физическую хилость. Лихач не слишком далеко от нас.

К Лобану я и повернулась. Все трое с интересом наблюдали за мной.

– Не всех Татьян можно пробовать в качестве шлюшек в сауне у Геннадьича! – проговорила я назидательно, перемещаясь так, чтобы Фиксатый тоже был в поле зрения.

– А если не в сауне? – Лобан с готовностью воспользовался предоставленной мной возможностью для обострения ситуации.

– Где же? – спросила я, делая легкий шаг к нему.

– Здесь! – вкрадчиво ответил он и растянул рот в мерзкой ухмылке.

Еще движение – и пальцем в ямку между ключицами, потому что его солнечное сплетение можно пробить только пяткой, а я пока не знаю скорости его реакции.

Краем глаза вижу, как пятится от нас Фиксатый.

– Атас!

Лихач отряхнул воду с рук и закрутил кран.

– Не дело, мужики!

– Ну, почему же? – Лобан лениво протянул бревнообразную руку к моей голове, я отклонилась на сантиметр, не более, но этого оказалось достаточно, чтобы его пальцы прошли мимо моей шеи.

– Атас, я сказал!

Вовремя он сказал, потому что палец мой уже достаточно окаменел для прободения щитовидки этого качка.

– Ла-адно! – протянул он с сожалением и, повернувшись, направился к верстаку, на котором, как я заметила только сейчас, среди разбросанного на газете рыбьего мусора, стояла батарея пивных бутылок.

– Ява! – обратилась я к Лихачу.

– Почему не Паша? – ответил он.

– Хорошо, Паша, если я Татьяна, а не Ведьма.

Расстегнутая рубаша позволила увидеть татуировку на его груди – собор с куполами, а на пальцах правой руки синели три «зоновских» перстня.

Вот тебе и паренек!

– Ты откуда со Скарабеем знакома? Он позвонил и попросил за тебя, как за родную. Таких, как ты, у него отродясь не было. А?

Его негромкий голос гулко звучал в пустом помещении.

– Пива хочешь?

Я, отказываясь, покачала головой.

Ява подошел к соратникам, занятым запрокидыванием бутылок донышками кверху.

– А чайку? Только чифирь у нас. Разбавить?

– Немного.

Я подошла к ним, уселась рядом с Фиксатым на предложенную Явой табуретку.

– Ты что, Паш, она же долг ювелира снять требует! – пробубнил Фиксатый, вороша рыбы очистки.

– Да нет, мужики, – Ява слил в стакан заварку, добавил кипятка из стеклянной, накрытой фанеркой банки, протянул мне, – не долг, а срок отодвинуть.

– А на фиг нам это надо? – спросил Лобан.

– Сейчас Татьяна объяснит.

Ява шумно глотнул пива из горлышка.

– Она детектив, объяснять умеет.

Чай здесь заваривали хорошо.

– Филипповой платить сейчас нечем, – сообщила я, прихлебывая обжигающий, слегка вяжущий во рту напиток.

– Иди ты! – возмутился Лобан.

– Это так! – глянула я на него. – А платить она не отказывается. Имущество продаст и отдаст долги.

– Бардак! – не верил Лобан. – Скажи?

– Ага! – согласился Фиксатый, разглядывая меня с прежней неприязнью. – Имущество продаст и из города смоемся.

– Хватит вам дуру гнать! – Судя по выражению лица, пиво Лобану попало кислое. – Денег у ней больше, чем у нас всех вместе! С таким-то папашей! Что? Грабанули их, ах ты, обездолили!

– Не отказывается она платить! – прервал Ява его косноязычное возмущение. – А то, что из города может дернуть, так пусть! – Он поставил опустевшую бутылку на стол и потянулся за следующей. – Пусть! Ведь бабки тогда Татьяна отдаст. Да?

Я кивнула:

– Рискну.

– Чем же она отвечает, непонятно мне! – не унимался Лобан.

– Чем? – спросил меня Ява.

Хорошо, что я обдумала этот вопрос заранее, по пути сюда, а то сейчас быть бы мне в растерянности. Не сбылась надежда, что минет меня чаша сия.

– Машиной, – ответила я.

– Оно тебе надо? – чуть не через плечо глянул на меня Ява.

– У меня свой расклад в этом деле.

Это было сказано удачно – на их языке, и они меня поняли. И страсти улеглись сами собой, между двумя очередными глотками, и я успокоилась, отставила в сторону свою психологическую ширму – стакан с недопитым чаем.

– Эх, если б не Скарабей! – закуривая, мечтательно промолвил Лобан.

Фиксатый, будто включили его, опять взъерепенился:

– И какой же срок ты назначишь?

Ява положил ему руку на плечо, сдерживая, но не сказал ничего, ждал, что отвечу.

«Срок я определяю, мужики. Но приложу все силы, чтобы вам с меня ничего не обломилось!» Вспомнила выпавшее на костях, подумала: «Да, срок я назову!»

– Так как? – спросил Ява, на этот раз не оборачиваясь, и добавил: – И не говори, что мы на тебя давим, да? Сама все решаешь.

– Да! – отвечаю я. – А срок... Как мой расклад выпадет? Неделю – мало, месяц – много. А может, вообще несколько дней.

Ну и дела, сама в кабалу к бандитам лезу! К Лобану – свинье уголовной!

– Филипповой два дня дали, сегодня – первый.

– Неделя, – подытоживает Ява, – семь дней, и не больше.

Что мне оставалось, ходатаю по чужим делам?

– Согласна.

– Подписалась! – поставил точку Ява. – Заметано!

Дело было сделано, задерживаться не имело смысла, удовольствия от общения с этой компанией я не испытывала, поэтому поспешила откланяться. Возражений не последовало.

Я взялась уже за ручку двери в воротах и вдруг услышала сзади:

– Проводи, будь вежлив!

Сволочь Паша. Ведь знает, что добром это провожание не закончится. Его что, досада разобрала за собственную вежливость?

Вышла на улицу, слушая медвежьи шаги за спиной. Расстегиваться вторично пришлось на ходу.

Хоть я и не спешила, Лобан догнал меня уже у самой машины.

– Погоди, Ведьма!

Я повернулась к нему. Сзади – машина, маневра – никакого. Его голые руки и грудь под незастегнутой безрукавкой на морозе смотрелись странно.

– Чего тебе, Лобан? Все обговорили.

– Не все!

Он смотрел на меня сверху вниз, искоса и явно намеревался играть, как кот с мышью.

– Так что ты там против сауны-то имела? Или святую из себя корчишь, девочку нетронутую?

Он, до предела самоуверенный от сознания своего мужского превосходства над моей женской слабостью, рисуясь из всех сил, любовался моим несуществующим страхом. Что же еще, позвольте, может испытывать женщина, находясь в опасной близости к этой горе агрессивного мяса?

– Против сауны я ничего не имею.

У него шевельнулись ноздри, рот приоткрылся и из глаз исчезла, какая ни была, осмысленность. Быстро он возбуждается!

Верите, мне даже интересно стало – надолго ли этого бычка хватит в деле? Едва ли. И, отбросив это, ненужное, я продолжила провокацию:

– Я только против интима с такими ублюдками, как ты!

Он сморгнул от неожиданности, лицо перекошилось, поднялась рука.

Когда он ею промахнулся по моей щеке, я, справедливо рассудив, что грубость моя теперь оправдана, с удовольствием перешла к активным действиям.

Быстро присев на одной ноге и вытянув в сторону другую, как ртуть перетекла на новое место и, выпрямляясь, оказалась вне его досягаемости, на мгновение, достаточное для осуществления крепкого хлопка ладонью по его уху. Пока он мотал головой, я переместилась еще и, оказавшись почти сзади, провела хороший удар носком сапога по копчику. Это толкнуло его

вперед, а боль отключила рассудок. Он уперся руками в машину и слегка прогнулся, расставив ноги. Положение было настолько удобным, что я не сдержалась – той же ногой, сзади, достала его промежность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.